

Вспоминая ГДР

В своей традиционной исторической рубрике «Свободная Мысль» воспроизводит статью, опубликованную в «Коммунисте» в октябре 1954 года, в пятую годовщину образования Германской Демократической Республики (ГДР). Сегодня, когда с момента воссоединения Германии прошло уже почти четверть века, мало кто вспоминает о том, что в 1949—1990 годах на востоке страны располагалось «первое в мире немецкое государство рабочих и крестьян». Если же и вспоминают, то, по большей части, уничижительно. Справедлив ли такой подход?

На этот вопрос трудно дать однозначный ответ. С одной стороны, в негативных оценках есть определенная логика. Своим рождением ГДР была обязана национальному унижению немцев после Второй мировой войны, сменившейся войной «холодной». При этом восточных немцев не спрашивали, желают ли они жить в коммунистическом «раю» советского типа (как впрочем, не спрашивали и их западных соотечественников), а потому новорожденного «ребенка» изначально трудно было считать желанным.

Едва возникнув, новое государство на практике ощутило пределы своей независимости: советские танки, жестоко подавившие рабочие волнения 1953-го, преподнесли наглядный урок вчерашним побежденным. В итоге Восточная Германия получила политический режим и полицейскую систему, которым по степени жесткости и твердолобости уступали даже советские прототипы. А ведь еще была страшная история строительства и существования Берлинской стены, с ее по живому разрезанным городом и пулеметными вышками, выстрелы с которых унесли жизни около 70 человек (среди них — 8 женщин); еще 21 человек скончался от ран.

Стоит ли на этом фоне вспоминать добрым словом государство, сполна одарившее немцев подобными прелестями? Уверен, что стоит. Хотя бы потому, что в противном случае немецкие «левые», генеалогия которых восходит к правившей в ГДР Социалистической Единой Партии Германии (СЕПГ), не получили бы массовой поддержки избирателей и не стали бы влиятельной парламентской партией. Между тем на последних выборах в бундестаг они получили 76 депутатских мандатов из 622, причем основную поддержку «левым» оказали избиратели из бывшей ГДР, прежде всего — в Бранденбурге и земле Саксония-Анхальт, где по электоральной поддержке партия вышла на первое место.

Что же положительного вспоминают люди, еще помнящие реалии «первого социалистического государства на немецкой земле»? То, что стало

реальностью начиная с 1960-х годов, когда хрущевское, а затем и брежневское руководство попытались сделать из ГДР витрину «социалистического мира». И без того весьма эффективная (в той мере, в которой это было возможно в условиях государственного социализма) экономика Восточной Германии стала получать щедрые дотации от «старшего брата». Реалиями повседневной жизни стали бесплатное жилье, которое молодая пара получала через три-четыре месяца после вступления в брак, гарантированное трудоустройство по специальности, приемлемый уровень социальных пособий, качественное и бесплатное образование и здравоохранение и даже открытые границы (правда, лишь в восточном направлении).

Отдых на черноморских курортах Болгарии и Румынии, чешское пиво по выходным, возможность сравнить уровень своего благосостояния с гораздо более скромными показателями «братьев» по «лагерю социализма» — все это было неотъемлемой частью жизни среднего восточного немца. Правда, у значительной части населения оставались родственники на Западе, а глядя оттуда картина выглядела много менее радужной. И если учиться и лечиться было явно выгоднее в ГДР, то работать — несомненно в ФРГ, причем намного. Не говоря уже о том, что для граждан Западной Германии границы были открыты во все стороны света. Остальное делало западногерманское телевидение, круглосуточно обрабатывавшее мозги как восточных, так и западных немцев. Если добавить к этому кризис у «старшего брата», к концу 1980-х утратившего способность дотировать экономику ГДР, основные причины падения Берлинской стены становятся окончательно ясными.

При всей своей привлекательности для простого человека, реалии гэдэровской жизни буквально разбились о критерии западного потребительского общества. И лишь с течением времени восточные немцы (особенно из числа наименее социально защищенных) стали понимать, что конкретно они утратили с исчезновением «государства рабочих и крестьян». Так родился феномен «остальгии». Впрочем, он заслуживает отдельного разговора.

Что же касается роли ГДР в истории отношений Германии и России, то переоценить ее попросту невозможно. Прежде всего потому, что именно в контексте двусторонних связей, включая их пропагандистское обеспечение и ту специфическую форму «народной дипломатии», которые определяли их общую атмосферу, в сознании советских людей постепенно утвердился вполне позитивный имидж немца, не имевший ничего общего с образом нацистского изверга, память о котором оставила Вторая мировая война. Этот имидж, пожалуй, и есть самое главное наследие ГДР — как бы презрительно ныне ни отзывались о «народной республике».

Разве этого мало? ◆